

30. *Petrov I. G.* Znakovo-simvolicheskie funkicii odezhdy i predmetov byta v svadebnoj obrjadnosti chuvashей Uralo-Povolzh'ja // EO. 2008. № 1. S. 145–162.
31. Polevye materialy avtora. 2005–2008 gg. (Respublika Tatarstan, Nizhegorodskaja obl., Respublika Mordovija).
32. *Rudenko P. I.* Bashkiry: Istoriko-etnograficheskie ocherki. Ufa: Kitap, 2006. 376 s.
33. Russkij narod. Budni i prazdniki: Jnciklopedija. SPb: Izd-vo Azbuka-klassika. 2003. 557 s.
34. *Sepееv G. A.* Vostochnye marijcy. Joshkar-Ola: Marijsk. kn. izdatel'stvo, 1975. 247 s.
35. *Suslova S. V., Muhamedova R. G.* Narodnyj kostjum tatar Povolzh'ja i Urala. Kazan': Fen, 2000. 311 s.
36. Tatory: Narody i kul'tury. M.: Nauka, 2001. 583 s.
37. Tatory Srednego Povolzh'ja i Priural'ja. M.: Nauka, 1967, 538 s.
38. Tojdybekova L.S. Marijskaja mifologija. Joshkar-Ola, 2007. 312 s.
39. Tulvinskie tatory i bashkiry: JEtнографические очерки и тексты. Perm': Institut istorii i arheologii UrO RAN, Perm. gos. ped. un-t, 2004. 456 s.
40. *Urazmanova R. K.* Obrjady i prazdniki tatar Povolzh'ja i Urala: Godovoj cikl XIX – nachalo XX v.: Istoriko-etnograficheskij atlas tatarskogo naroda. Kazan': Dom pechati, 2001. 197 s.
41. *Fuks K. F.* Kazanskie tatory v statisticheskom i etnograficheskom otnoshenijah. Kazan': Univ. tip., 1844. 131 s.
42. *Sharifullina F. L.* Kasimovskie tatory: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie tradicionnoj narodnoj kul'tury serediny XIX – nachala XX v. Rjazan', 2004. 128 s.

Е. А. Съёмщиков

**МЕСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ СИБИРИ 1822–1917 гг.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ОКРУЖНЫХ
АДМИНИСТРАЦИЙ СИБИРИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА**

Статья посвящена организационным вопросам функционирования окружных органов и учреждений местного государственного управления Сибири в период складывания единого экономического пространства.

Ключевые слова: окружные органы и учреждения, единое экономическое пространство.

Е. Syemschikov

**SIBERIA LOCAL STATE GOVERNANCE IN 1822–1917 years.
SOME ASPECTS OF SIBERIAN DISTRICT ADMINISTRATION INFLUENCE
UPON THE CREATION OF THE UNITED ECONOMIC SPHERE OF THE REGION**

The article describes the organizational issues of district entities and institutions of local governance of Siberia during the construction of the united economic sphere.

Keywords: district entities and institutions, united economic sphere.

После присоединения Сибири к Московскому царству втягивание окраины в российское экономическое и административное пространство стало важнейшей задачей самодержавия. «Учреждение для

управления Сибирских губерний» 1822 г. явилось первым правовым документом имперского центра, комплексно определившим вопросы политического, административного, социокультурного и хозяйст-

венного обустройства Сибири в составе Российской империи [16]. «Сибирское учреждение» стало основным нормативным актом, до конца XIX в. определившим место и роль губернской (областной) администрации в хозяйственном освоении территории региона и степень влияния низового звена местного государственного управления округа-уезда на деятельность хозяйствующих субъектов в процессе формирования единого экономического пространства в дореформенный и пореформенный периоды развития Сибири.

Объектом исследования автора являются окружные (уездные) органы и учреждения местного государственного управления Сибири 1822–1917 гг. *Объектом* внимания в данной статье стала *степень влияния окружной (уездной) администрации на хозяйствующие субъекты* в процессе складывания единого экономического пространства в пореформенный период развития Сибири.

Предмет освещения составили функции окружных (уездных) органов и учреждений местного государственного управления в вопросах организации хозяйственной деятельности хозяйствующими субъектами, то есть устройства и открытия базаров, торжков и ярмарок, складов, хлебозапасных магазинов и винных лавок, лечебниц, аптек, библиотек и других элементов инфраструктуры сельской местности и городов, и возможность влияния на них окружной, а с 1898 г. — уездной администрации.

К числу хозяйствующих субъектов автор относит крестьянские общества, волостные Правления как органы крестьянского общественного управления, инородные Управы и Степные Думы коренного населения Сибири, градские сообщества, купеческие, мещанские и ремесленные общества в городах, учреждения центральных ведомств, например, Министерство финансов РИ 1830–1855 гг. и

Кабинета Е.И.В., например, Алтайское горное правление.

В пореформенный период в Сибири, как и во всей Российской империи, ведущим направлением в хозяйственном развитии государства стала торговля. Государственная политика в области торговли была направлена на создание благоприятных условий для участия в торговле всех податных сословий империи. Оброчные статьи и выкупные платежи для бывших крепостных крестьян и для крестьян на землях Кабинета Е.И.В., налоги, подати, окладные и другие сборы поставили крестьянство Российской империи, и Сибири в том числе, «под власть денег». Власть была заинтересована в повышении платежеспособности крестьян и увеличении сбора налогов.

В связи с этим своей важнейшей задачей имперское правительство считало всемерное развитие торговли и участие в ней всех сословий и социальных групп. Политика центра в рассматриваемый период претерпела существенные изменения: имперская власть отказалась от жесткого контроля за организацией и ведением торговли, за учреждением ярмарок и открытием торжков и базаров в губерниях и областях империи. 17 сентября 1862 г. высочайше утвержденное императором Александром II мнение Государственного совета разрешило городовым учреждениям — думам, магистратам, ратушам — выдавать торговые свидетельства наряду с уездными казначействами, в Сибири — окружными казначействами.

Нормативным актом от 1 января 1863 г. каждому разрешалось «...без различия звания и состояния, пола, возраста и сословия свободно заниматься по собственному выбору торговлей или промышленностью...» В то же время без изменений остались положения узаконения от 29 мая 1814 г. о беспошлинной торговле для всех сословий, но сохранилась прежняя про-

цедура учреждения ярмарок и открытия торжков и базаров в Российской империи.

До 1 января 1863 г. процесс учреждения ярмарок и открытия торжков и базаров в губерниях, областях и округах Сибири носил длительный характер, последовательно проходя все степени местного, центрального и высшего государственного управления Российской империи. Действовал Манифест о «Восстановлении “Городового положения” и Грамоты, данной городам» [15], который разрешал учредить только одну ярмарку, смотря по обстоятельствам и удобствам для населения губернии или области. Наибольшее количество торжков, базаров и ярмарок в этот период функционировало в Тобольской губернии.

В сибирских губерниях и областях организация и устройство торжков определялись «Учреждением для управления Сибирских губерний» 1822 г. и «Учреждениями для управления губернией Всероссийской Империи» от 7 ноября 1775 г. и вменялись губернскому Правлению [16].

Инициатива открытия базара или торжка и учреждения ярмарки (суглана — у инородцев) исходила от хозяйствующего субъекта: крестьянского общества, волостного Правления общественного крестьянского управления, мест и лиц инородческого управления [2]. Крестьянские общества на сходах, а инородцы — в степных думах или инородных управах в присутствии сельского старосты (князьца, тайши) составляли общественные приговоры, в которых обращались к окружным (уездным) властям с просьбой учредить в селе ярмарку (суглан) или открыть еженедельный базар (по пятницам и субботам), или торжок (торговля в установленные дни, но не более трех дней подряд).

Представители окружной (уездной) администрации, а в пореформенный период — чиновники по крестьянским делам рассматривали прошения хозяйст-

вующих субъектов и решали, насколько новые — вновь учреждаемая ярмарка (суглан) или вновь открываемые еженедельные базар либо торжок — «могут или не могут подорвать дела соседним базарам, торжкам или ярмаркам (сугланам)», и обращались с мотивированным ходатайством в губернское Правление, приложив к нему общественный приговор крестьянского сельского общества (инородческой управы) [3].

Окончательное решение об открытии базара или торжка и учреждения ярмарки (суглана) принимала губернская (областная) администрация и лично губернатор (областной начальник). Принятые решения подлежали утверждению министром внутренних дел РИ.

Необходимо подчеркнуть: подобная процедура получения разрешения на учреждение ярмарки (суглана) или открытие еженедельных базара либо торжка стала возможной с 1883 г., когда закон от 26 апреля 1883 г. «Об обложении пошлинами торговли на более значительных ярмарках» ввел ярмарочные пошлины на стационарные формы торговли [17].

Законом от торговых выплат были полностью освобождены сельские (инородческие) краткосрочные ярмарки (сугланы) продолжительностью до семи дней. При этом выдача ярмарочных билетов и приказочных свидетельств на ведение торговых операций облагалась процентным сбором с уплатой пошлины в пользу городского и земского сборов. Выдачу билетов и приказочных свидетельств осуществляли окружные (уездные) казначейства, а в городах — городские управы.

В отношении крестьянского и инородческого населения власть продолжала проводить покровительственную политику, но в отношении купцов, мещан и других податных групп налоговая политика не изменилась. Имперское правительство полагало, что формирование предпринимательской прослойки и торгового капи-

тала достигло своей зрелости, и податные слои должны были разделить бремя торговых пошлин [23, с. 101].

Взаимоотношения хозяйствующих субъектов на землях Алтайского горного округа, принадлежащих Кабинету Е.И.В., в вопросах торжковой, базарной и ярмарочной торговли имели свою особенность: субъекты хозяйственной деятельности находились в подчинении одновременно двух властвующих органов: горно-заводских властей и Томского гражданского губернатора. Несмотря на затяжной характер решения вопросов об учреждении и открытии ярмарок (сугланов) на территории горного округа, Кабинет Е.И.В. и Алтайское горное правление сумели создать на своей территории систему земельно-арендного хозяйства только после проведения землеустроительных работ по разграничению сельских и кабинетских земель (дач). Это способствовало перемене в отношении к торговле и стимулировало открытие новых торговых объектов на землях горного округа.

Главное управление Алтайского горного округа в условиях падения горнозаводского производства было заинтересовано в полной ликвидации недоимок со стороны крестьян. Чиновники по крестьянским делам — крестьянские начальники участков Алтайского горного округа на основе приговоров сельских обществ, например, с. Бочатского, с. Ордынского, с. Медведского, с. Маслянино, с. Тюменцево, обращались в Алтайское горное правление с просьбой разрешить базарную, торжковую или ярмарочную (на суглане) торговлю в своих селах (в инородческих управах) и на основании § 41 «Сибирского учреждения» и ст. 463 общего «Учреждения губернского» ходатайствовали перед губернатором (областным начальником) об учреждении ярмарки (суглана), открытии торжка или базара [4].

В целом механизм открытия базаров и торжков и учреждения ярмарок (сугланов)

в пределах Сибири в пореформенный период носил длительный характер, однако был более скорым, чем в дореформенное время: в учреждении ярмарок (сугланов) фактически не участвовали высшие и центральные органы государственного управления Российской империи.

Нормативная база, регулирующая базарную, торжковую и ярмарочную (на сугланах) торговли в пореформенное время, разграничила **предметы ведения** — например, учреждение ярмарок (сугланов) и открытие торжков и базаров, и **полномочия** — например, контроль за торговлей со стороны органов государственного управления Российской империи между *высшими и центральными органами государственного управления Российской империи и органами местного государственного управления Сибири*, существенно изменила условия торговли, усилила роль губернской и областной администраций в решении всех вопросов развития и совершенствования торговли внутри губернии (области), передав по закону (в Алтайском горном округе — по закону от 31 мая 1911 г.) полномочия на разрешение базарной, торжковой и ярмарочной (на сугланах) торговли в ведение губернской, областной и уездной (окружной) администраций. Уездные (окружные), областные и губернские органы и учреждения местного государственного управления Сибири учитывали все возрастающие доходы от ярмарочной (на сугланах) торговли и сами стали выступать инициаторами учреждения новых ярмарок. Именно уездная (окружная) администрация определяла сроки проведения торгов на вновь учреждаемых ярмарках (сугланах), на открываемых базарах и торжках, следила за соблюдением сроков проведения торгов на старых устоявшихся ярмарках (сугланах), осуществляла контроль за работой администраций базаров, торжков и ярмарок (сугланов), надзирала над санитарным состоянием торговых объектов.

Эти и некоторые другие организационные и административные меры местных властей в немалой степени способствовали складыванию единого хозяйственного пространства Сибири [21].

На этом этапе шел активно процесс формирования единого хозяйственного рынка Сибири, ибо все хозяйствующие субъекты, участвующие в ярмарках (сугланах), торжках и базарах, выступали в роли объектов правового и административного воздействия со стороны окружного (уездного) и губернского (областного) уровней местного государственного управления Сибири.

Изменения в правовом регулировании торговли стимулировали рост общего числа ярмарок в Сибири вообще и в Западной в частности, что в целом способствовало повышению благосостояния сибирской деревни и снижению сумм недоимок податного населения. Ярмарочная торговля формировала среду феодального предпринимательства, ибо на рынках (ярмарках) преобладала продукция, выделанная не частными крестьянскими хозяйствами, но крестьянскими общинами и городскими ремесленниками. Все это способствовало вызреванию ростков рыночных отношений, в основном в аграрной сфере (табл. 1). Другой не менее важной сферой деятельности окружной (уездной) администрации было устройство и открытие складов, аптек, винных лавок и хлебных запасных магазинов, строительство новых школ, лечебниц, библиотек, в сельских обществах и инородных управах,

для обеспечения «...правильного и успешного течения дел в местах, подчиненных окружному (уездному), городскому и волостному управлениям» [20]. Инициатором открытия всех перечисленных ранее объектов инфраструктуры выступали сельские и градские общества, а влияние окружной (уездной) администрации было ничтожным.

Сельские общества были заинтересованы в повышении благосостояния односельчан и в наличии своих «...отдельных от прочих селений...» хлебных запасных магазинов, находящихся в расположении сел своего крестьянского общества, своих школ, своих церквей, своих лечебниц и других объектов сельской инфраструктуры [5]. Запасы хлеба в магазинах использовались на случай неурожая, массовых повальных болезней или для ссуды на посев членам своего сельского общества. Такая практика спасала многие сельские и инородные общества от имевших место неурожаяев и от голода как в Центральной России, так и в Сибири [14, с. 6].

Архивные данные свидетельствуют: в апреле 1882 г. председатель Барнаульского окружного по крестьянским делам присутствия представил для сведения томскому гражданскому губернатору копию постановления № 28 о выдаче крестьянам Верхне-Чулымской, Николаевской, Нижне-Кулундинской и Бурлинской волостей хлеба в ссуду на посев и сообщил губернатору данные об оставшихся хлебных запасах [6].

Таблица 1

Динамика роста числа ярмарок в Западной Сибири

Район	1861 г.	1895 г.	1903 г.	1907 г.	1911 г.	1912 г.
Тобольская губерния			261	288	449	563
Томская губерния	24	68			466	568
Алтайский округ		1885–1890 гг.		1891–1899 гг.		42
		26		16		

Устройство хлебных запасных магазинов и складов, строительство школ и лечебниц, сооружение церквей, открытие винных лавок и других объектов сельской инфраструктуры осуществлялись на материальные и финансовые средства только сельских обществ.

Общественные приговоры сельчан, заверенные подписями сельских старост и приложенными печатями, через волостные правления поступали в частные окружные управления, где рассматривались в земском суде, а с 1867 г. — в окружном полицейском управлении. Согласие окружного начальника (а где его не было — окружного исправника, соединяющего в одном лице всех должностных лиц окружного управления) было обязательным условием для подачи мотивированного ходатайства об удовлетворении приговора чиновником по крестьянским делам соответствующего участка округа исправляющему должность гражданского губернатора (областного начальника) [7].

В многолюдных городах — таких, как Томск, Тобольск, Омск, Иркутск, и средних — как Барнаул, Тюмень, Туринск, Нерчинск, Якутск — хозяйствующими субъектами выступали градские сообщества, а также купечество и мещане (общества) и другие социальные корпорации, например, ремесленники, духовенство. Согласно «Учреждению для управления Сибирских губерний» 1822 г. вопросы устройства в городах хлебных, винных и других магазинов, то есть «... надзор в продовольствии городов...» (§ 112, п. 13), открытие аптек и лечебниц, то есть «...надзор за медицинской частью...» (§ 112, п. 12) относились к предметам ведения городской полиции; однако устройство складов, открытие школ, училищ и библиотек составляли предметы ведения хозяйственного управления городов и городских дум [22].

В связи с принятием в 1870 г. «Городового положения» [18] в городах Российской империи стали реорганизовываться старые

и создаваться новые органы городского общественного управления — городские думы и городские управы. К предметам ведения городских управ как исполнительных органов городских дум относились городские доходы и расходы, оценочно-налоговая, земельно-арендная, технико-санитарная и квартирно-военная сферы деятельности, вопросы труда, народного просвещения, общественной безопасности, обеспечения горожан продовольствием и юридическое оформление документов [26, с. 301–302]. Надзор над законным исполнением обязанностей членами городских дум и городских управ возлагался на гражданского губернатора (областного начальника), который через губернское (областное) по городским делам присутствие контролировал городское общественное управление и был вправе отменить любое постановление городской думы [13, с. 18, 22, 28].

Купеческое, мещанское и ремесленное общества городов имели свои сословные учреждения и свои органы общественного управления. Основной функцией сословных организаций являлось «...попечение обо всех делах, относящихся до сословия» [19]. Сословные общества подчинялись городской администрации и исполняли решения городских дум и городских управ. Окружные (уездные) органы и учреждения не имели влияния на сословные структуры городов и городов-сел. Персональный состав руководства купеческого, мещанского и ремесленного обществ городов утверждался только губернатором (областным начальником).

Периодически купеческое, мещанское и ремесленное общества организовывали собрания с целью разрешения хозяйственных (для купеческого и мещанского обществ) и производственных (для ремесленников) вопросов:

- сбор податей, выдача «доверия» или «одобрения» по торгово-промышленным делам членам купеческого сословия;

- раскладка податей и сборов, рекрутские дела, выдача паспортов и другие вопросы — для членов мещанского сословия;
- организация цехового производства и подготовка ремесленных кадров — у цеховых ремесленников;
- рассмотрение ходатайств о вступлении в сословия, предоставление городским властям сведений о членах своих обществ [18].

Эти и некоторые другие вопросы деятельности общественных корпораций отражали *определенную в законе степень самостоятельности* и независимости сословных обществ городов и в целом свидетельствовали об общей направленности политики имперской власти на сохранение сословных институтов традиционного общества.

Имея определенную материальную и финансовую базу, например в Тобольске, купеческое общество владело каменным домом, доход от которого составлял около 300 рублей в год, в Ялуторовске мещанское общество владело гостиным двором, в Кургане мещанская управа имела вклад в банке, доход от которого в 1887 г. составил 834 рубля 73 коп., в Тюмени и в Тобольске ремесленные управы совместно с мещанскими эффективно решали вопросы в производственной сфере, *сословные структуры градских сообществ продолжали играть важную роль* в жизни горожан, выполняя *функцию социальной защиты членов своих корпораций* [10]. В то же время сословные структуры являлись самостоятельными организациями (юридическими лицами) в экономической и социальной сферах городского общественного управления, рекрутировали сферу вольного найма рабочей силы для мануфактурного производства и феодального предпринимательства и выступали в качестве самостоятельных хозяйствующих субъектов.

Городское общественное управление подчинялось только губернатору (областному начальнику). Уездные (окружные) исправники и должностные лица окружного (уездного) управления не могли напрямую

воздействовать на хозяйствующие субъекты городов, но вынуждены были обращаться за помощью к губернским (областным властям), в частности в губернское (областное) правление, в предметах ведения которого лежали вопросы хозяйственной деятельности губернии (области) [8].

Решая эти вопросы, губернские (областные) правления фактически способствовали продвижению и развитию феодального предпринимательства и закладывали основы для становления и развития индустриальной сферы. Административные усилия властей местного государственного управления Сибири содействовали формированию единого хозяйственного рынка, что, в свою очередь, повышало платежеспособность податных групп населения своих территорий, давало простор к вызреванию рыночных отношений в индустриальной сфере.

Главной функцией органов городского общественного управления была хозяйственная деятельность. Принятие 16 июня 1870 г. закона «Городового положения» систематизировало работу городских органов общественного управления, сословных корпораций городов, городов-сел и горожан, определило правовой статус всех субъектов хозяйственной деятельности (хозяйствующих субъектов) как в аграрной, так и в мануфактурной сферах деятельности.

В соответствии с положением городские думы и городские управы получили право выступать в качестве основных субъектов хозяйственной деятельности, в том числе осуществлять учет всего городского имущества (включая имущество сословных обществ), составлять смету городских расходов и доходов, управлять сбором городских налогов и взыскивать недоимки, защищать интересы горожан в судах, наблюдать за правильностью застройки городов и городов-сел, разрешать открытие трактирных заведений, ресторанов и кофейных домов, выдавать при необходимости физическим и юридическим лицам справки, свидетельства, удостоверения и паспорта.

«Городовое положение» 1870 г. значительно расширило бюджетные возможности городского общественного управления, что способствовало возвышению роли городов как центров аграрного и мануфактурного производства. В Российской империи в этот период активно шел процесс складывания единого экономического пространства Европейской России и Азиатской Сибири путем подтягивания азиатской части России к общероссийскому уровню. Введение системы местных налогов благоприятно сказалось на соединении усилий органов местного государственного управления окружных (уездных) и губернских (областных) и городского общественного управления в рамках исполнения фискальных функций имперского государства.

Сословные корпорации в городах — купеческое, мещанское, ремесленное — выступали как самостоятельные хозяйствующие организации (субъекты), но в пределах городского общественного управления имели подчиненное правовое положение и могли действовать только через городские думы и городские управы.

Городские думы крупных городов подчинялись Сенату, а градской голова, избираемый думой, утверждался в должности министром внутренних дел Российской империи, а в средних и мелких — губернатором (областным начальником). «Городовое положение» 1870 г. вверило губернаторам функцию надзора над «правильностью и законностью» действий городского общественного управления.

Окружная (уездная) администрация не имела прямых рычагов воздействия на органы городского общественного управления, но могла влиять на них через посредство губернатора (областного начальника).

На 1910 г. в губерниях и областях Азиатской России малые города и города-села составляли: в Томской — 72,5%, в Енисейской и Иркутской — по 83,3%, в Забайкальской области — 57,5 %. К 1914 г. в Западной Сибири лишь девять городов из двадцати че-

тырех имели полное городское управление [11, с. 30]. В Восточной Сибири таких городов насчитывалось одиннадцать.

В целом органы городского общественного управления Сибири в пореформенный период выступали в качестве основных субъектов хозяйственной деятельности городов. Городские сообщества являлись сферой вольного найма. Именно в них шел процесс вызревания буржуазного уклада и формирования капиталистических общественных отношений. Городское общественное управление создавало условия для развития всех слоев градского сообщества. Решающее влияние на развитие городов оказывала губернская (областная) администрация и лично губернатор (областной начальник). Степень воздействия окружного (уездного) звена на органы градского сообщества была ничтожной.

Окружная (уездная) администрация оказывала решающее воздействие лишь на органы крестьянского общественного управления — крестьянские общества и волостные правления, осуществляя контроль и надзор над деятельностью этих хозяйствующих субъектов.

Как временная форма торговли ярмарочная торговля в Сибири стимулировала в основном сферу феодального предпринимательства, но слабо затрагивала индустриальную. В Сибири число действующих ярмарок постоянно росло. В 1832 г. в губерниях и областях Сибири насчитывались 71 ярмарка, в том числе в Иркутской — 12, в Тобольской — 48, в Томской — 2, в Якутской области — 6, в Приморье — 2 и в Селенгинске — 1.

В 1851 г. сибирские губернии и области располагали 176 ярмарками, в том числе в Тобольской — 81, в Иркутской — 40, в Енисейской — 17, в Томской — 5, в областях: Забайкальской — 14, Якутской — 19 [1].

В 1862 г. только в самой населенной Тобольской губернии функционировали 167 ярмарок; в 1890 г. их число возросло до 567 [9, с. 25].

Вызревание рыночных отношений проявлялось не только в аграрной сфере, но и в промышленном производстве Сибири, например, в обрабатывающей, в золотодобыче, а также в извозе, на речном транспорте и т. п.

В пореформенный период ярмарки в Сибири стали инструментом складывания единого всероссийского рынка, который окончательно сложился в основном в конце XIX — начале XX века.

Строительство Транссибирской магистрали ускорило процесс индустриального

развития Сибири, и сибирская экономика стала быстро подтягиваться к общероссийскому уровню [10, с. 26]. Ярмарочная торговля как временная форма обмена в Сибири выполнила свою функцию. Определяющее влияние на ярмарочную торговлю оказывало губернское правление и лично губернатор. Уездные (окружные) органы осуществляли распорядительные функции по контролю и надзору за деятельностью этих хозяйствующих субъектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гагемейстер Ю. А.* Статистические обозрения. Ч. 2. СПб., 1854. С. 5–76.
2. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф.3. Оп. 48. Д. 24. Л.1.
3. ГАТО. Ф.3. Оп. 48. Д. 24. Л.7.
4. ГАТО. Ф.3. Оп. 48. Д.101. Л. 13,16,19 Ф.3. Оп. 48.Д. 107. Л.1. Ф.3. Оп. 48. Д. 109. Л.4.
5. ГАТО. Ф.3. Оп. 48. Д. 195. Л.1 Ф.3. ОП. 48.Д.105. Л.75.
6. ГАТО. Ф.3. Оп. 48. Д. 105. Л.40,53.
7. ГАТО. Ф.3. Оп. 48. Д. 19. Л.1.
8. ГАТО. Ф.196. Оп. 3.Д. 160. Л.23, 23 об.
9. *Зиновьев В. П.* Сибирь в экономике России XVIII — начала XX в. Томск, 1999. 44 с.
10. *Зиновьев В. П.* Сибирь в экономике России XVIII — начала XX в. Томск, 1999. 44 с.
11. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX — начала XX века / К. А. Анкушева, Г. А. Бочанова, Е. А. Дегальцева, А. К. Кирилов, Г. А. Ноздрин, М. В. Шиловский, Л. Б. Ус. Новосибирск. 2006. 216 с.
12. Обозрение мер, принятых по высочайше утвержденным положениям Комитета министров вследствие неурожаев 1833, 1834 и 1840 гг. СПб., 1890. 117 с.
13. Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX века): Сборник документов. Тюмень, 1995. 228 с. ПСЗ-1. Т. 26. № 19. 811 с.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). ПСЗ-1 Т. 38. № 29. 125 с.
15. ПСЗ-1. Т. 26. № 19. 811 с.
16. ПСЗ-1. Т. 20. № 14. 392 с.
17. ПСЗ-3.Т. № 1525.
18. ПСЗ-2. Т. 45. № 48498.
19. СЗ РИ (Свод законов Российской империи). Т. 9. Законы о состояниях. Ст. 458–627. СПб., 1842 г.
20. Учреждение для управления Сибирских губерний. 1822 г. § 68.
21. ЦХАФ АК (Центр хранения архивного фонда Алтайского края). Ф.192. ОП.1. Д.74. Л.43.
22. ЦХАФ АК. Ф.1. Оп. 2. Д.3042. Л.15.
23. *Щеглова Т. К.* Ярмарки юга Западной Сибири в XIX — начале XX века. Из истории формирования и развития Всероссийского рынка. Барнаул, 2001. 308 с.

REFERENCES

1. *Gagemejster Ju. A.* Statisticheskie obozrenija. Ch. 2. SPb., 1854. S. 5–76.
2. ГАТО (Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti) / F.3. Op. 48. D. 24. L. 1.
3. ГАТО. F.3. Op. 48. D. 24. L. 7.
4. ГАТО. F.3. Op. 48. D. 101. L.13,16,19 F.3. Op. 48. D. 107. L. 1. F.3. Op. 48. D. 109. L. 4.

5. GATO. F.3. Op. 48. D.195. L.1. F. 3. Op. 48. D. 105. L. 75.
6. GATO. F.3. Op. 48. D.105. L.40,53.
7. GATO. F.3. Op. 48. D.19. L.1.
8. GATO. F.196. Op. 3. D.160. L. 23, 23об.
9. *Zinov'ev V. P.* Sibir' v ekonomike Rossii XVIII — nachala XX v. Tomsk, 1999. 44 s.
10. *Zinov'ev V. P.* Sibir' v ekonomike Rossii XVIII — nachala XX v. Tomsk, 1999. 44 s.
11. Istorija obshchestvennogo samoupravlenija v Sibiri vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka / Ankusheva K. A., Bochanova G. A., Degal'ceva E. A., Kirilov A. K., Nozdrin G. A., SHilovskij M. V., Us L. B. Novosibirsk, 2006. 216 s.
12. Obozrenie mer, prinjatyh po vysochajshe utverzhdennym polozhenijam Komiteta ministrov vsledstvie neurozhaev 1833, 1834 i 1840 gg. SPb., 1890. 117 s.
13. Organizacija samoupravlenija v Tobol'skoj gubernii (vtoraja polovina XIX — nachalo XX veka): Sbornik dokumentov. Tjumen', 1995. 228 s. PSZ-1. T. 26. № 19.811.
14. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii (PSZ RI). PSZ-1 T. 38. № 29.125.
15. PSZ-1. T. 26. № 19.811.
16. PSZ -1. T. 20. № 14.392.
17. PSZ-3. T. № 1525.
18. PSZ-2. T. 45. № 48498.
19. SZ RI (Svod zakonov Rossijskoj imperii) T. 9. Zakony o sostojanijah. St. 458–627. SPb., 1842 g.
20. Uchrezhdenie dlja upravlenija Sibirskih gubernij. 1822 g. § 68.
21. CAF AK (Centr hranenija arhivnogo fonda Altajskogo kraja). F. 192. Op. 1. D. 74. L. 43.
22. CAF AK. F.1. Op. 2. D. 3042. L. 15.
23. *Shcheglova T. K.* Jarmarki juga Zapadnoj Sibiri v XIX – nachale XX veka. Iz istorii formirovanija i razvitija Vserossijskogo rynka. Barnaul, 2001. 308 s.

А. А. Шевцова

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ АРМЯН В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

На основе полевого экспедиционного материала, собранного в Республике Мордовия в семьях добровольных мигрантов-армян из государств Закавказья (Армения, Азербайджан, Грузия), автор рассматривает традиционное представление о семье как факторе сохранения этнической идентичности. Оторванная от корней традиционная семейная обрядность мигрантов трансформируется под влиянием универсальной западной городской культуры, инокультурного, иноязычного и иноэтнического окружения. В этих сложных условиях традиционные семейные связи, семейная и свадебная обрядность наряду с привычной системой питания выступают в роли этнического маркера, сохраняя и презентуя этническую идентичность мигрантов в инокультурной среде. Особое внимание уделено межнациональным бракам, которых немало среди мигрантов из Армении.

Ключевые слова: гендер, семья, этнокультурная адаптация мигрантов, этнический маркер, традиционная свадьба, армянский свадебный стол, межнациональные браки

A. Shevtsova

FAMILY TRADITIONS of the ARMENIAN MIGRANTS in the REPUBLIC of MORDOVIA

The article regards the field expedition findings dealing with the conservation and transformation of traditional wedding ceremonies in the family of voluntary Armenian migrants from Transcaucasian countries (Armenia, Azerbaijan, Georgia) in Mordovia (Russian Federation). The traditional concept of the family as a factor in the of the Armenian ethnic identity preservation is examined. It is argued that the traditional Armenian family rituals transformed under the influence of universal Western urban culture, multinational environment. As a result, the traditional family and wedding rituals,